

ОТЦЫ И ДЕТИ

Л.Н. ТОЛСТОЙ:

«Я убедился, что это не детские и глупые вопросы, а самые важные и глубокие вопросы в жизни, и я не могу и не могу, сколько бы я ни думал, разрешить их. Прежде чем заняться (...) воспитанием сына, надо знать, зачем я это буду делать. Пока я не знаю — зачем, я не могу ничего делать. Начиная думать о том, как я воспитываю детей, я говорил себе: «Зачем?..»

Каждый Толстой должен завоевать себе имя сам

— Мой двоюродный брат Петр Толстой, ведущий воскресной программы «Время», не может забыть одну историю. Когда он служил в армии (а Петр очень крупный, высокого роста человек), вместе с ним служил узбек, который после бани выдавал одежду. И вот брату всегда доставались вещи необыкновенно маленького размера. В конце концов Петя не выдержал: «Слушай, ну ты что?!» — «Да я твой дэд с дэтства ненавижу!» — так много лет спустя узбек отомстил за школьные мучения «Войной и миром»...

Не скажу, чтобы личность Толстого постоянно довлела над потомками так, будто у нас желание — вылезти из кожи вон и доказать что-то. Только средний из сыновей Льва Толстого — Лев Львович — всю жизнь соперничал с отцом: брался писать и ужасно сердился, нервничал, что не получается, как у отца. Его даже называли за это Тигр Тигрович.

Однако, как ни странно, именно Лев Толстой сделал так, чтобы дети и внуки были вынуждены самостоятельно вставать на ноги и искать собст-

Маленькие Толстые, Ваня и Андрей, ходят в Яснополянскую усадьбу как к себе домой.

Своих детей Толстой сам учил языку и арифметике, делал с ними по утрам зарядку, приучал к езде верхом. В старости великий писатель, несмотря на то что у него было 5 сыновей и 3 дочери, страдал от одиночества: «Вы не можете себе представить, до какой степени я одинок, до какой степени то, что есть настоящий «я», презираемо всеми окружающими меня». Жене писал: «Дети выросли, влияние мое уже в доме не нужно, и у всех вас есть более живые интересы, которые сделают вам мало заметным мое отсутствие». В конце концов ушел из дома.

У праправнука Льва Николаевича, Владимира Толстого, директора музея-усадьбы «Ясная Поляна», — четверо детей от двух браков. При нем, в 90-х годах, Ясная Поляна вновь стала колыбелью рода Толстых. Маленькие Андрей и Ваня уже ходят в местную школу. Современный Толстой многие взгляды Льва Николаевича на воспитание не разделяет, но уроки прапрадеда не забывает.

Книги, которые советовал читать своим детям Лев Толстой:

«Робинзон Крузо», «Дон Кихот», «Путешествия Гулливера», «Дети капитана Гранта», «Отверженные», «Оливер Твист», романы Дюма-отца, «Записки охотника»... Из своих предлагал только рассказы из «Азбуки» и «Книг для чтения».

Супруга Владимира Толстого Екатерина и его дочери от первого брака Катя и Настя.

венный путь в жизни. Он отказался от авторских прав на свои произведения. И члены семьи остались без дополнительных средств к существованию. Поэтому после революции, оказавшись в эмиграции, они устраивали свою жизнь «с нуля». Некоторые читали лекции о Толстом...

У Льва Толстого и Софьи Андреевны было 13 детей (пятеро из них умерли в раннем возрасте). Сейчас потомки писателя живут в России, Франции, Швеции, Америке, Италии. Наш рассказчик — Владимир Ильич — праправнук Толстого по мужской линии. У него две дочери от первого брака (22 и 17 лет) и два сына от второго (10 и 7 лет).

Про своих детей даже не знаю: чья популярность могла бы им больше мешать — прапрапрадеда или отца? Я ведь чуть ли не каждый день на экране местного телевидения в Туле. Однако ребята не кичатся происхождением. Видимо, уже понимают: «Быть Толстым — еще не значит входить в число избранных. Поскольку нет заслуги человека в том, что родился со знаменитой фамилией». Когда я рос, всегда видел, как бабушки и дедушки держатся скромно... И я не представ-

ляюсь, когда знакомлюсь: «Праправнук Льва Николаевича». Это даже звучит глупо.

Катя сидела на коленях у Веры, а Вера — на коленях у Льва...

— История моей семьи достаточно замысловатая. Прадед Илья Львович умер в Америке. Дед, белый офицер, четверть века жил в Югославии, в эмиграции. Отец родился в Сербии. Я — в Москве. А мои дети — первые Толстые, которые появились на свет в Ясной Поляне после революции. Когда-то, в Югославии, дед мог только мечтать об этом. Такие переплетения судьбы для меня очень важны.

В нашей семье никогда не было культа Льва Николаевича, никто не заставлял читать его книги. Я никогда ни дочкам, ни сыновьям не пытался подсовывать Толстого. Считал: к чему надо — придут сами. В какой-то момент все равно возникает интерес к своим корням. Мне не надо подводить 7-летнего Ваню к портрету и говорить: «Это — твой прапрадедушка». Дети родились и растут в Ясной Поляне. И в дом Толстого ходят запросто, как к себе домой. Хотя прекрасно знают, что это государственный музей. Я и то не до

Я — НЕ ЛЕВ!

конца вжился в это пространство: приехал 11 лет назад в Ясную Поляну работать. Приехал из Москвы как посторонний человек и как бы обживал эту территорию...

Толстой умер в 1910 году — почти 100 лет назад. Но нет ощущения, что он недостижимая фигура. Родство с предками присутствует не только на уровне понимания, но и в душе, в чувствах. Все наши поколения пока еще соприкасаются. Я приведу один пример, который вдруг убедил меня, что на самом деле все очень близко. В 1991 году, после долгого перерыва, в Россию из США приехала внучка Льва Николаевича, родная сестра моего деда. Мы сидели в нашем загородном доме в Подмосковье. Моя младшая дочь (ей было 4 года) забралась к ней на колени. Их так и сфотографировали. А вскоре я увидел фото, где сама Вера Ильинична примерно в 4-летнем возрасте сидела на коленях у Льва Николаевича. Выходит, моя младшая дочь всего в двух «коленах» от Льва Николаевича! Кстати, секретарь Толстого Николай Гусев очень любил, здороваясь с кем-то, говорить: «Вы всего на одно рукопожатие отделены от Льва Толстого». Есть даже какая-то осязаемая связь.

Потомок Л.Н. Толстого не хочет шокировать своих детей сказками прапрадеда

В родовых историях я нахожу для себя дополнительный фундамент. Когда узнаешь историю своей семьи на 30 поколений в глубь веков — ощущаешь, что от корней не оторван.

Я детей в бельевую корзину не сажаю!

— Мне всегда было интересно, каким был Лев Толстой в повседневности. В том числе с детьми. Некоторые поступки его как отца меня удивляют и совершенно мне не близки и непонятны, потому что мы разные люди: он — Лев Толстой, а я — Владимир. У него было довольно странное чувство юмора, с моей точки зрения. То, что ему каза-

лось забавным, мне таким не кажется. Одной из любимых игр Толстого с детьми была такая: он сажал ребенка в большую бельевую корзину, накрывал крышкой и в полной темноте переносил его. Детям это нравилось: с одной стороны, страшно, а с другой — есть доверие к отцу. Но я так не играю.

«Известно, как мы изображали «нумидийскую конницу»: отец вдруг вскакивал из-за стола и, помахая поднятой рукой, бежал вокруг стола, и все мы, также подняв руку, бежали за ним. Почему это называлось нумидийской конницей, никому, в том числе и моему отцу, было совершенно неизвестно. Нумидийская конница действовала освежающе на настроение, особенно после скучных гостей». Из воспоминаний старшего сына Льва Толстого.

Или взять его детские рассказы. Там есть жутковатые вещи. Например, про корову, которая битого стекла наелась. Хотя сделано это совершенно сознательно, чтобы пробудить в ребенке сострадание. Но я другой человек, и тех же самых эффектов хочется добиться другим способом, не через шок.

Когда младшие дети Толстого учились в Москве, то в Ясной Поляне Лев Николаевич и его старшие дочери старались обходиться без прислуги. Таня и Маша сами готовили еду (строго вегетарианскую). «Однажды мы узнаем, — вспоминала Татьяна Львовна, — сегодня приезжает наша тетя... Тетя любит вкусную еду, особенно мясную. Что делать? Приготовить «труп»? (Так мы называем мясо.) Но эта мысль вызывает в нас чувство ужаса... Приехала тетя... Мы пошли в столовую... На приборе для тети лежал огромный кухонный нож, а к ножке стула билась и тянула за собой стул. Бедная птица билась и тянула за собой стул. «Видишь? — сказал отец нашей гостье. — Зная, что ты любишь есть живые существа, мы тебе приготовили цыпленка. Никто из нас не может его убить, и поэтому мы положили для тебя этот смертельный инструмент. Сделай это сама».

Некоторые забавные истории из семейных воспоминаний Толстых я привожу в пример своим детям. Допустим, случай, произошедший с моим прадедом Ильей Львовичем, когда он был маленьким мальчиком... В день рождения утром рядом с подушкой находит подарок — чудной красоты тонкую фарфоровую чашечку. В восторге берет ее и бежит показывать родителям. Спотыкается о порог между комнатами, падает, чашка разбивается. Он ревет: «Виноват архитектор, который построил неправильный порожек!» После этого, когда человек не признавал свою вину, а пытался переложить на кого-то, Лев Николаевич говорил: «Ну конечно, это архитектор виноват!» Такие вещи пусть не прямо, но всегда позволяли дать оценку. Они и у нас в ходу.

Браков может быть несколько, семья — одна

— Мои дочери родились в России. Но учились за границей, старшая закончила Оксфорд. Получилось так, что в моей жизни возникла Ясная Поляна, а у Маши (первая жена. — Авт.) — работа в Англии... Обе дочери — Настя и Катя — уехали к ней.

Сейчас у меня второй брак. Настя и Катя знают мою новую жену — маму Андрея и Вани. Приезжают в Ясную Поляну. А я запросто могу попросить первую супругу побыть с мальчиками, когда, бывая с ними в Лондоне, уйду на деловые встречи. Я рад, что отношения у братьев с сестрами очень нежные. Это взрослые между собой решают — быть врагами или друзьями, а дети ведут себя в зависимости от того, смогли взрослые договориться друг с другом или нет. Могут сказать, я и все мои дети — одна семья.

Проблемы отцов и детей у нас нет. В нашей семейной компании в разговоре участвуют сразу несколько поколений: мой старший брат и двоюродная сестра — 50-летние, мне — сорок, Петя и Фекла (телеведущие) — молодые. Мои дочери — 20-летние... Уважаются все мнения. Тут уж не разберешь, кто отцы, а кто дети.

У нас нет права на эгоизм!

«Мне смешно вспомнить, как я думывал и как вы, кажется, думаете, что можно себе устроить счастливый и честный мирок, в котором покойно, без ошибок, без раскаяния, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно все только хорошее. Смешно!.. Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость». Из письма Льва Толстого.

Толстой считал, что изначально в ребенке есть зачатки всех людских качеств и он открыт любому развитию: «Был глуп да стал умен, был зол да стал добр». Я с этим согласен. Невозможно, конечно, ребенка искусственно от всего оберегать, но надо тонко строить ситуации. Что должны знать дети? Очень важно не врать (хотя это — самое сложное, наверное: так хочется как-то себя выгородить, в лучшем свете представить...)

«Отец очень редко наказывал нас, не ставил в угол, редко бранил, даже редко упрекал, никогда не бил, не драл за уши... Наказание его было — немилость: не обращает внимания, не возьмет с собою, скажет что-нибудь ироническое... Больше всего он был недоволен нами за ложь и грубость с кем бы то ни было — с матерью, воспитателями или прислугой... Заметив, что за обедом я брал с блюда на одну ложку или порцию, а немного больше, он говорил: «Отчего ты берешь с добавочком?» А если я оставлял часть кушанья на тарелке, не доедая взятого, он говорил: «Когда берешь больше, чем сколько можешь съесть, это называется «завидующие глаза». Еще он говорил: «Если ты что-нибудь делаешь, делай это хорошо. Если же ты не можешь или не хочешь делать хорошо, лучше совсем не делай». Из воспоминаний старшего сына Льва Толстого.

Еще очень важно о другом человеке думать. Понятно, 17—18 лет — такой возраст, когда мало задумываешься о последствиях своих поступков. Ты просто увлечен чем-то и забываешь обо всем на свете... Однажды мы с мальчиками прилетели в Лондон. Все это время моя младшая дочь Катя решила жить вместе с нами в гостинице. В день перед отлетом Катя собиралась провосторгать нас. Вечером мы еще были вместе. Потом она поехала встречаться с друзьями и... исчезла. Мобильный телефон не работает, нет Кати ни в 12, ни в час, ни в три, ни в четыре, и утром нет. Мама начинает волноваться. Начинает волноваться старшая сестра. Очень расстроились и Ваня с Андреем. Я стараюсь не показывать, как нервничаю. Направляемся в аэропорт, а я не знаю: уезжать или нет. Продолжаю звонить — гудки. И уже буквально за 15 минут до посадки Катя позвонила. Я не повысил голос. Сказал только, что так не поступают. Тебе может быть очень хорошо или наоборот — очень плохо. Все что угодно у тебя может быть, но с людьми, которых ты любишь, так не поступают. Желательно думать вообще о людях, но хотя бы по крайней мере о тех, которых ты любишь и которые любят тебя. Со всеми самыми близкими и дорогими людьми Катя не посчиталась. Я понимаю — это был просто такой случай, случайность. Кате не свойственно такое поведение. Но в любом случае надо понимать: эгоизм — это то, на что никто не имеет права.

«Разговор с Сережей (старший сын. — Авт.). Он без причины сделал грубость. Я огорчился и выговорил ему все. И буржуазность, и тулость, и злость, и самодовольство. Он вдруг заговорил о том, что его не любят, и заплакал. Боже, как мне больно стало. Целый день ходил и после обеда поймал Сережу и сказал ему: «Мне известно». Он вдруг зарыдал, стал целовать и говорить: «Прости, прости меня». Давно я не испытывал ничего подобного. Вот счастье». Из записей Льва Толстого.

Елена ДОБРЮХА.